

УДК 821.161.1 04.09 + 94 (47 + 57) «11»:930.22

В. А. Мельничук

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: meln@nsu.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЫНОВЕЙ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА В КИЕВСКОМ СВОДЕ XII ВЕКА

Рассматриваются литературно-стилистические средства, обеспечивающие акцентировку индивидуальных черт в образах сыновей Владимира Мономаха в Киевском своде XII в.

Ключевые слова: свод игумена Моисея, образы сыновей Владимира Мономаха, литературная судьба известий.

В исторической литературе XI–XIII вв., в эпоху господства стиля монументального историзма, человек, как писал Д. С. Лихачев, был изображен в соответствии с выработанными феодальной действительностью того времени идеалами. Не характер князя, но его политическая деятельность как представителя определенной ступени феодальной лестницы, прежде всего, волновали летописцев. Основной задачей книжника было прославление князя; на это указывал Кирилл Туровский в «Слове на сбор святых отец» [Еремин, 1958. С. 343–344]. Соглашаясь с требованием литературного этикета, летописцы использовали несколько церемониальных положений, описанных с применением «устойчивых формул», в которых князь предстал перед читателем в «ореоле княжеской власти и княжеской славы» [Лихачев, 1987. С. 32–42; Творогов, 1964]. Особую роль в характеристике князей играли некроложные статьи, содержащие панегирические речи, иногда – портреты, о чем неоднократно писали исследователи [Адрианова-Перетц, 1963. С. 441–442; Еремин, 1949. С. 82–84].

В данной статье мы рассматриваем стилистические приемы, использованные летописцами при описании киевского княжения

сыновей Владимира Мономаха в составе Киевского свода XII в., благодаря которым в каждом из княжеских образов оказались акцентированы свои индивидуальные черты. Речь идет о первых попытках книжников отойти от литературного трафарета в изображении человека и приблизиться к постижению богатства его индивидуального внутреннего мира, к тому, что в современном языке называется «характер», открытому, как пишет Д. С. Лихачев, в начале XVII в. [1987. С. 7].

Мстислав Владимирович, старший из сыновей Владимира Мономаха, в Европе известный как Гаральд, княжил в Новгороде, Ростове, Белгороде, в конце жизни – в Киеве. Из всех событий с участием князя в ПВЛ выделяется сражение под 1096 (6604) г., во время которого Мстислав с новгородцами одержал победу над Олегом Святославичем. Безусловно, характеризует Мстислава его обращение к побежденному противнику с советом просить братьев не лишать его Русской земли, и главное, выражает ему сочувствие: «**Аз послю отцу молиться о тебе**» (Ипат., 230)¹. Описание походов князя на Чудь с новгородцами и псковичами (под 6624 г.), на Литву (под 6640 г.) составлено сдержанно.

¹ При цитировании текста номер столбца дается в круглых скобках. Мы отказались от орфографического воспроизведения текста; современные знаки препинания расставлены нами, так как они позволяют показать текст летописных статей в нашей интерпретации.

Известие, сообщающее о восшествии на киевский престол Мстислава Владимировича, составлено лаконично, однако из всех сыновей Владимира Мономаха только про Мстислава под 1126 (6634) г. сказано, что и отец князя занимал киевское княжение: **«Мстислав, старейший сын его, седе на столе в Киеве, отца место своего, мая в 20 ...»** (Ипат., 289). В Лаврентьевском своде дополнительно к Киевскому своду содержится характеристика княжения Мстислава: **«И седе в Киеве Мстислав, сын его старейший, княжа с кротостью»** (Лавр., 280).

Под 1128 (6636) г. сообщается, что Всеволод Ольгович выгнал своего дядю, Ярослава Святославича, из Чернигова. Мстислав Владимирович, к которому обратился за помощью обиженный Ярослав, не вступил в конфликт, так как иерейский собор был против этого, взяв вину князя (нарушение данного обещания) на себя². В завершение сюжета сказано: **«И створи волю их, и соступи креста Мстислав к Ярославу, и плакася того вся дни живота своего»** (Ипат., 291). Окончание сюжета подсказывает, что летописец писал ближе к концу жизни князя либо после смерти; кроме того, в нем содержится редкое для летописного повествования XII в. указание на чувства князя, всю жизнь помнившего о своем поступке.

Под этим же годом сообщается о походе Мстислава против полоцких князей; под 1130 (6638) г. сказано о высылке полоцких князей в Константинополь: **«Се же лето поточи Мстислав полотский князь с женами и с детьми в Греки»** (Ипат., 293). По мнению А. В. Рукавишникова, «ссылка Изяславичей явилась закономерным итогом борьбы двух враждебных друг другу линий внутри княжеского дома Рюриковичей за право обладания определенной территорией — Полоцкой землей <...> Изгнание по возможности всех Изяславичей за пределы Руси было одним из пунктов плана Мстислава по включению Полоцка в состав своих владений» [2003. С. 111].

Прямую характеристику Мстислава Владимировича (уже умершего к тому времени)

содержит фрагмент под 1140 (6648) г., разрывающий повествование о начале княжения в Киеве черниговского князя Всеволода Ольговича. Называя князя «великим», летописец восхваляет его за то, что он, продолжая дело своего отца, Владимира Мономаха, защитника земли Русской, **«мужи свои посла, загна половцы за Дон, и за Волгу, за Гники»** (Ипат., 303–304). Перед нами — один из первых примеров зарождающейся традиции прославления исторического деятеля через его предка, начало которой В. П. Адрианова-Перетц связывает со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона [1963. С. 431]. Сравнение с подвигами отца является литературным приемом летописца: победа над половцами, описанная сразу после сообщения о смерти Владимира Мономаха, была одержана (согласно Киевскому своду) Ярополком Владимировичем.

В некрологе князя под 1133 (6641) г., содержащем указание даты и места захоронения, не столько акцентированы заслуги самого князя³, сколько подчеркнуты интересы его сыновей [Литвина, Успенский, 2006. С. 75–76]: **«Преставися благоверный князь Мстислав, Володимер сын, оставив княжение брату своему Ярополку, ему же и дети свои с Богом на рече предасть. Преставися Мстислав апреля в 15 празной неделе в пяток, положен бысть у церкви святого Федора, юже ве сам создал»** (Ипат., 294).

С именем Мстислава Владимировича связано одно из первых титулований князя царем. Первое упоминание данного титула относится к 1054 г. — его сохранила запись на стене киевского Софийского собора о смерти Ярослава Мудрого. На Мстиславовом Евангелии сохранилась запись, сделанная тиуном князя по имени Наслав: **«Съписах памяти дея царю нашему и людям о съкончании Евангелия... Дай Бог мѣне хѹдому Наславу обрести честь и милость от Бога, и от своего царя, и от братие»** (цит. по: [Щапов, 1999. С. 9]).

Житие Мстислава, составленное при участии его сына Ростислава Мстиславича, встречающееся в ряде списков Пролога краткой редакции, содержит более развер-

² В Киевском своде сказано, что игумен Григорий **«не вдающе Мстиславу встати ратью по Ярославу»**; от имени иерейского собора было послано обращение к князю: **«на ны вѹдет тот грѣх»** (Ипат., 291).

³ В Киевском своде сообщается, что под 1113 (6621) г. князем была заложена церковь во имя святого Николая в Новгороде, под 1129 (6637) г. — церковь во имя святого Федора.

ную характеристику князя: в нем рассказывается о постройке им церкви, указано, что он был милостив, не любил богатства, заранее знал день смерти. Житию особенно посчастливилось в югославянской письменности: оно встречается во всех списках Пролога, содержащих в себе русские статьи; кроме того, помещено в сербской богослужебной минее XIV в. Нахождение имени князя в одном ряду с равноапостольной княгиней Ольгой, страстотерпцами Борисом и Глебом свидетельствует о широком почитании князя [Серебрянский, 1915. С. 15–16; Лосева, 2009. С. 188–190].

Ярополк Владимирович был князем перяславским, затем киевским. Известия о его восшествии на киевский престол под 1133 (6641) и о смерти под 1139 (6647) г. составлены сдержанно и не содержат характеристик: «**А Ярополк вниде в Киев в 17 день в неделю**» (Ипат., 294); «**Того же лета преставися князь Ярополк месяца февраля в 18 день, и положен бысть в Янцине монастыри ꙗ святого Андрея**» (Ипат., 302). По сравнению с Киевским сводом в Лаврентьевском и Никоновском сводах под 1133 (6641) г. сказано, что князя пригласили люди: «**И седе по нем брат его Ярополк, княжа Кыеве, людье во Кыяне послаша по нь**» (цит. по: Лавр., 286); в Лаврентьевском своде дополнительно с варианту Киевского свода сказано: «**преставися благоверный князь**» (Лавр., 291).

Прямую авторскую характеристику князя содержит рассказ о битве Ярополка с половцами, происшедшей под 1126 (6633) г. сразу после сообщения о смерти Владимира Мономаха и вокняжении в Киеве его брата Мстислава. Летописец подчеркивает правоту Ярополка указанием на помощь Бога довольно часто используемым летописцами приемом, называет его «**благоверным князем**»: «**Ярополк же князь ꙗкрепився и иде по них с Божьею помощью, не жда от брата помощи, ни от другаго, толко с Перяславци, постиже я**»; «**Тогда же благоверного князя корень и благоверная отрасль Ярополк призва имя Божие и отца своего, с дружиною своею дерзну**»; «**И поможе ему Бог и отца его молитва, и прославиша Бога вси людие о таком даре и помощи**» (Ипат., 290).

Известия под 1135 (6643) и 1136 (6644) гг. повествуют о вражде между Всеволодом

Ольговичем (иногда с братьями) и Ярополком. В описании конфликта оказались утраченными факты, важные для понимания мотивировки Всеволода Ольговича, в то время князя черниговского, сохранившиеся в сводах более поздней традиции [Мельничук, 2012]. В известии под 1136 (6644) г., сообщаемом о битве Ольговичей и войск Ярополка, во время которой был убит внук Владимира Мономаха, зафиксирован эпизод, где, как нам кажется, в неприглядном свете представлен Ярополк, покинувший место сражения: «**Видивше же братья вся: Ярополк, Вячеслав, Гюрди и Андреи полки свои взмятены, отъехаха всояси**»; «**бояры их <...> не обретоша княжьи своєя и ꙗпадоша Ольговичем в рꙋче**» (Ипат., 298). Другой фрагмент под этим же годом повествует о том, что Ольговичи снова начали воевать возле Треполя. Ярополк, собрав многочисленные войска «из всех земель», вышел навстречу, однако решил отказаться от кровопролития. Значительную часть этого краткого известия занимает похвала Ярополку за решение примириться с противником, в которой автор цитирует Евангельский текст: «**Ярополк же бяше собрал множество вои на нь изо всех земель, и прием рассмотрение в сердци, не изиде на нь противу, ни створи кровопролитья, но ꙗвояся сꙋда Божия, сотворися мнии в них, хꙋлу и ꙗкор прия на ся от братьє своєя, и от всех по рекшемꙋ: “Любите враги ваша” [Мф. 5:44], и створи с ними мир**». Использование эпитета «**благооꙋмный**» подчеркивает правоту князя: «**И тако ꙗтеша благоꙋмный князь Ярополк брань тꙋ лютоꙋю**» (Ипат., 299–300).

В известии под 1139 (6647) г., описывающем еще один конфликт Всеволода Ольговича и Ярополка Владимировича, правота Ярополка подчеркнута в речах черниговских людей, исторически враждебных племени Владимира, обратившихся к Всеволоду Ольговичу с требованием оставить «**высокоꙋмие**» и просить Ярополка о мире: «**Мы бо ведаем милосердие Ярополче, ꙗко не радуєтся кровипролитью, но Бога ради восхощет мира, то бо соблюдает землю Рꙋсьскꙋю**» (Ипат., 301).

Сдержанно сообщается о восшествии на Киевский престол под 1139 (6647) г. Вячеслава Владимировича: «**И вниде брат его Вячеслав в Киев того же месяца в 24**

в средѹ мясопѹстнѹю» (Ипат., 302). В Лавр. добавлено, что князь был встречен митрополитом, и указано, что и прадед князя занимал Киевский престол: «И вниде Вячеслав, брат его, в Киев, и людем с митрополитом сретшим его, и посадиша и на столе прадеда своего Ярослава месяца февраля в 22 день» (цит. по: Лавр. 291). В Никоновском своде сказано: «И благовослови его пресвященный Мнѡхил митрополит Киевский и все Рѹси» (Никон., 163).

В ответ на резкие слова племянника в известии под 1150 (6658) г.: «Изяслав же ... посла к Вячеславу и рече ему: “Я есмь позывал тебе Киеву седесть, а ты еси не восхотел; а ныне ци сего еси дозрел, оже брат твой выехал, а ты ся садиши в Киеве; ныне же поеди Вышегород свои”» князь проявляет твердость: «Аче ти мя убити, сыну на сем месте, а убии, а я не еду». (Ипат., 396–397). Дублировка данного известия представляет для читателя иную версию: Изяслав Мстиславич возражает киевлянам, призывающим захватить дружину Вячеслава словами: «А се ми есть яко отец стрый свои»; самому князю советует ехать в Вышгород, ссылаясь на возмущение людей («а много ти лиха замысливают») (Ипат., 397). Слова Изяслава Мстиславича, содержащиеся в дублировке, в полной мере согласуются с отношениями, установленным между сюзеренами и вассалами в феодальной Руси.

Сниженным оказывается образ князя в двух других известиях, в которых подчеркнута роль других князей. Под 1150 (6658) г. на престол Вячеслава предлагает Юрий Владимирович: «Тогда князь Дюрги повави Вячеслава на стол Киеву. Бояре же размовиша Дюрга, рекуще: “Брату твоему не удержати Киева, да не будет его ни тебе, ни оному”» (Ипат., 394). Под 1151 (6659) г. подчеркнута роль Изяслава Мстиславича: «Уведе Изяслав стрия своего и отца своего Вячеслава в Киев. Вячеслав же уеха в Киев, и еха к святой Софьи, и седе на столе деда своего и отца своего» (Ипат., 418).

Напротив, в известии под 1154 (6662) г., сообщающем о восшествии на киевский престол Ростислава Мстиславича, значение и роль Вячеслава Владимировича акцентированы за счет прямых речей киевлян, которые выдвигают Ростиславу требование

читать Вячеслава так же, как это делал его брат: «Начало княжения Ростиславля в Киеве. И посадиша Кияне рекуще: “Якоже и брат твой Изяслав честил Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киев твой”» (Ипат., 471).

В создании образа князя играют роль прямые речи, в которых он не только выражает свою позицию, но раскрывает внутренние переживания в связи с теми или иными происходящими событиями. Например, обращаясь к Изяславу и Ростиславу Мстиславичам под 1151 (6659) г., он объясняет, почему терпеливо сносил от них обиды: «Оже мя переовидила, и первое, и другое, и вещьть на мене еста положила, а полки имею, а силу имею, и Бог ми дал, но аз Рѹская доля земли и хрестъян дела, того всего не помяну» (Ипат., 429).

Кроме того, летописец формирует для слов князя, которые могли бы остаться незамеченными в плотном событийном ряде летописного текста, выразительный контекст. Под 1149 (6657) г. в описании конфликта, в котором были задействованы несколько князей, Вячеслав Владимирович просит Юрия Долгорукого примириться. Цитируя Евангелие от Матфея и послание Иоанна Богослова, летописец сформировал контекст, в котором обращение князя приобретает особый вес. Кроме того, автор дает князю прямую характеристику «незловив сердцем»: «Си слышав, князь Вячеслав преклонися на любовь, тем же речеться: “Блажени смиряющиеся, яко те сынове Божии нарекутся; блажен” (Мф. 5:3-11) ...ноя бы земля Рѹская расподилася и розмогла в братолюбьи князии. Князь же Вячеслав послуша брата своего и свата Володимира, прием в сердци слова его, поткнуся к ряду и к любви. Бяшетъ во князь Вячеслав незловив сердцем, хвала преславного Бога, поминая писание: “Аще имаете веру, яко зерно синапно”⁴, речете горе си: преди преидеть» (Мф. 17:20), и паки помяну слово глаголющее: “Бога люблю, а брата ненавижда, ложь еси. Аще Бога любииши, любии брата” (1-е Иоанна,

⁴ В Остромировом Евангелии, изд. 1853 г., «зърно горушно». Употребление грецизма «синапный» встречается также в Житии Никола Святоши; см.: Патерик Киево-Печерского монастыря / Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911. Возможно, тексты принадлежат одному автору.

4:20). Вячеслав же нача брату молвити Гюргеви: «Брате, мирися; хочеши ли не уладився понти прочь, то ты ся прочь, а Изяслав мою волость пожжетъ». Гюрги же то слышав, и тако уладишася» (Ипат., 392–393).

В другом примере под 1151 (6659) г. «нарративное обрамление» (термин А. А. Гиппиуса; см.: [Гиппиус, 2009. С. 185]) слов князя: «И рече Вячеслав, озряся на святую Богородицу, яже есть над Золотыми вороты, а той ныне Пречистой Госпожи судити с сыном своим и Богом нашим в сии век и в будущи» (Ипат., 431), – свидетельствует, как нам кажется, об осознанном насыщении текста нужными автору деталями, конструировании определенного «повествовательного пространства» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2004]: в данном случае обращение взором к иконе является штрихом к образу князя, выстраивающего свои действия в соответствии с текстом Писания.

Под этим же годом находим редкий случай, когда не летописец, но князь, участник описываемых событий, оценивает происходящее как результат Божественного вмешательства. Обращаясь к своим союзникам при виде бегства князя Юрия, князь произносит: «Сынү, се есть начало Божии помочи. Где приехавше не успели ли што, но толико сорома добыли» (Ипат., 432–433). Самохарактеристикой Вячеслава Владимировича можно считать другие его слова: «От рождения моего не охвотив есмь был на кровопролитие, но сего мя довел брат мой» (Ипат., 437).

Смерть Вячеслава Владимировича под 1154 (6662) г. представлена для читателя через восприятие случившегося князем Ростиславом Мстиславичем: «Утрии же день пригнаша к Ростиславу ис Киева и повешаша ему: «Отца тн Вячеслава Бог поял». Ростислав же рече: «А мы вчера ехали, а он добр и здоров» <...> Ростислав же то слышав, и тако оставя полки своя, а сам гна Киевү, и тако плакася по отци своем и проводи его до гроба с честью великою с множеством народа» (Ипат., 472–473). Известие о смерти князя сохранилось в НІ младшего извода, где сказано: «Той же зиме преставися Вячеслав в Киеве» (НІ, 216).

О восшествии на Киевский престол Юрия Долгорукого сообщается впервые

в известии под 1149 (6657) г. Содержащийся в нем генеалогический экскурс представляет собой редкий для повествования XII в. случай: «Начало княжения в Киеве князя великого Дюргя, сына Володимира Мономаха, внука Всеволожа, правнука Ярослава, пращюра великого Володимира, крестившего всю землю Рускую. Гюрги же поеха у Киев и множество народа выде противу ему с радостью великою, и седе на столе отца своего, хваля и славя Бога» (Ипат., 383–384). Любопытно, что текст Никона, привычно прибавляющего генеалогию к имени всех князей, восходящих на Киевский престол, таких сведений о Юрии Владимировиче не содержит.

Вынужденным выглядит приглашение князя людьми под 1150 (6658) г.: «Кияне же, убоявшеся Володимера галичскаго, убядоша князя Дюргя в Киев» (Ипат., 403), хотя в тексте чуть выше читается фрагмент, в котором сказано: «приде Гюрги <...> над берег противу Киевү, кияне же мнози поехаша в насадах к Гюргеви» (Ипат., 402). Известие, сообщающее о еще одном восхождении князя на Киевский престол под 1155 (6663) г., составлено намного скромнее, чем предыдущее: «Начало княжения Юрьева в Киеве. И тако Дюрги благодаря Бога вниде в Киев. Вынде противу ему множество народа, и седе на столе отец своих и дед, и прия с радостью вся земля Руская» (Ипат., 478).

Летописные известия, описывающие события с участием Юрия Долгорукого, начинаются с 1120 (6628) г.: именно под этим годом сообщается о походе князя на болгар. В вопросе происхождения ранних известий, в которых упоминается имя князя, в литературе нет единого мнения [Приселков, 1996. С. 108, 117; Насонов, 1969. С. 112–118]. В целом сведения о князе 20–40-х гг. незначительны.

Под 1135 (6643) г. Юрий Владимирович упоминается в описании конфликта, развернувшегося между Ольговичами и Владимировичами в качестве претендента на владение Переяславлем Русским. Мотивировка князя Юрия, выгнавшего Всеволода Мстиславича из Переяславля, раскрывается в НІ старшего извода под 1132 (6640) г.: по велению Ярополка Переяславль должен был отойти Мстиславу⁵: «И рече Гюрги и Анд-

⁵ Претензии Ю. В. Долгорукого как старшего в роду на переяславское княжество были законными.

рей: *“Се Ярополк, брат наю, по смерти своей хочеть дати Киев Всеволоду, братану своему”*. И выгониста ис Переяслава» (НП, 22).

С именем Юрия Владимировича связано первое упоминание города Москвы: именно здесь под 1147 (6655) г. состоялась встреча его со Святославом Ольговичем, предваряя которую сын Святослава Ольговича, Олег, дарит Юрию Долгорукому пардуса. Подарок в виде пардуса – случай не редкий. Так, в «Девгениевом деянии» Стратиг дарит своему зятю «тридцать коней, а покрыты они дорогими паволоками, а седла и уздечки золотом окованы; и подарил ему двадцать конюхов, и пардусов, и тридцать соколов с сокольничими<...>» [2004. С. 85, 87]; в самом Киевском своде под 1160 г. пардус упомянут среди других подарков, полученных Ростиславом Мстиславичем от Святослава Ольговича.

В нашем известии под 1147 г. упомянутый пардус представляет собой деталь, поданную крупным планом (в отличие от других приведенных примеров), приобретает ассоциативные возможности, становится «словом художественным», определенным Д. С. Лихачевым как возбудитель не всегда ясных значений, эмоций, ассоциаций; как слово, приобретающее смысл при включении в контекст эпохи [1979. С. 510]. Пардус «литературный» был, безусловно, книжнику знаком: сравнение с пардусом, известным своим яростным нравом и способностью внезапно прыгать на врага, использовано, например, для характеристики Игоря Святославича в ПВЛ [Гиппиус, 2008].

Любопытно, что пардусом мог называться царь: в литературе более позднего времени, сербской редакции Александрии, Философ объясняет Александру: «Александр, в дни еврейского пророка Даниила слышали мы, что в писаниях наших западный царь пардусом называется» [Александрия, 2003. С. 43]. К перечню произведений остается добавить «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, произведение одного текстологического ряда со «Словом о полку Игореве», «Песнью о Роланде», в котором символика названия играет важную роль в создании образа главного героя [Робинсон, 1984. С. 431–432].

Повествование 40–50-х гг. довольно подробно описывает междоусобную войну за Киев между Юрием Владимировичем

(имевшим законные права на владение Киевом) и его племянником Изяславом Мстиславичем, который выступил против установленного порядка замещения Киевского стола. В описании этих событий содержатся отрывки, восходящие к разным источникам: автор одного из них сочувствовал Юрию Владимировичу, другой – Изяславу Мстиславичу.

Безусловно, сказывается на образе Юрия фрагмент под 1148 (6656) г., служащий связкой длительного конфликта между князьями, в котором сообщается о приходе его сына, Ростислава, с жалобой на отца фактически к его врагу, Изяславу Мстиславичу. В словах Изяслава Мстиславича содержится нелестная характеристика Юрия Владимировича: *«Вснх нас старен отец твой, но с нами не умеет жити; а мне дан Бог вас, братью свою, всю имети и весь род свой в правду, ако и душу свою; ныне же, аче отец ти волости не дал, а яз ти даю»* (Ипат., 367). Когда оклеветанный Ростислав вернулся домой, то отец его *«в сороме сына своего, сжалив себе, рече: “Тако ли мне части нету в Руской земли и моим детям”»* (Ипат., 374). Те же слова о Юрии Долгоруком: *«с нами не умеет жити»*, – произносит Изяслав Мстиславич под 1150 (6658) г. в обращении к другому сыну князя, Глебу.

В одном из эпизодов под 1149 (6658) г., описывающих решение Юрия Долгорукого выступить против Изяслава Мстиславича, подчеркнута правота князя Юрия: как пишет летописец, он выступил *«надеяся на Бога»*, в то время как Изяслав *«надеяся на множество вои»*. Сочувствующему автору принадлежит обращение Ростислава к Юрию под 1154 (6662) г.: *«Отце, кланяю ти ся, ты переди до мене добр был еси, а аз до тебе, а ныне кланяю ти ся, стрын ми еси, яко отец»*; и ответ Юрия Владимировича: *«Право, сын, с Изяславом есмь не могъ быти, а ты ми еси свои брат и сын. Не помяня злобы брата его, отдамъ гнев»* (Ипат., 477). Положительно характеризует князя зафиксированный в тексте под 1157 (6665) г. отказ от первоначального плана передать Владимир Волынский от Мстислава Изяславича Владимиру Андреевичу, мотивированный желанием не губить людей: князь *«сжалиси о погыбели людстве»* (Ипат., 487).

Значительная часть фрагментов, описывающих битву за Киев между Юрием и его племянником, Изяславом Мстиславичем, сторону которого принял старший брат Юрия, Вячеслав, составлены автором, настроенным к Юрию враждебно. Особой выразительностью отличается обращение к нему Вячеслава Владимировича под 1151 (6659) г.: «**У тебе сынов 7, а я их от тебе не отгону, а у мене одина два сына, Изяслав и Ростислав, а инни молодьшии суть же; но я, брате, тебе молваю: “Рускы деля земля и хрестьян деля: поеди же в свои Переяславль и в Курск и с своими сыны”**» (Ипат., 430–431). Князь Вячеслав, в силу своего старшинства являющийся знаменем легитимности для племянников [Литвина, Успенский, 2006. С. 78], обеспечивает политическим действиям Изяслава Мстиславича законность. Как установлено Т. Л. Вилкул, под 1151 (6659) г. в описании противостояния Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого в Ипатьевском своде на стороне Изяслава Мстиславича выступает коалиция князей, тогда как в Лаврентьевском своде, излагающем те же события, – выступает лишь Изяслав [2005. С. 31, 34–36].

Известие о смерти князя под 1158 (6666) г. явно записано не его сторонником: указаны причина смерти, не лестно характеризующая князя, и факт разорения его владений: «**Пив бо Гюрги в осменика у Петрила, в ть день на ночь разболеся, и бысть же боести его 5 днии, и представися в Киеве Гюрги Володимеричь, князь Киевский, месяца мая в 15, в среду на ночь, а заутра в четверг положиша у монастыри святого Спаса. И много зла створися в ть день: розграбиша двор его Красный и другый двор его за Днепром розграбиша, егоже звашеть сам Раем, и Василков двор, сына его розграбиша; в городе избивахуть буждальцы по городом и по селом, и товар их грабляче**» (Ипат., 489). Сопоставление некроложной статьи Юрия Долгорукого с типологически сходными известиями в пределах Киевского свода XII в. позволяет сделать вывод о сознательной фиксации нелицеприятных для князя фактов, очевидно, сказывающихся на формировании его облика.

Яркая характеристика Мстислава Владимировича как продолжателя военных успе-

хов отца, названного летописцем «великим», содержится во вставке под 1140 (6648) г., сделанной, вероятнее всего, составителем Киевского свода игуменом Моисеем. Штрихом к образу князя является зафиксированная под 1096 (6604) г. в разговоре с побежденным противником, Олегом Святославичем, готовность молиться за него. В образе Ярополка, согласно Аристотелю, подчеркнуты нравственные добродетели князя, относимые к «нраву» [Аристотель, 1984а. С. 77]. Образ князя, беспокоящегося о мире в земле Русской, храбро отразившего набег половцев, князя «благоверного», «благоумного» и милосердного сформирован с помощью прямой авторской характеристики в виде эпитета; положительной характеристики, вложенной в уста его противников; объяснения победы над половцами помощью Бога и молитв отца. Бегство Ярополка с поля сражения под 1136 (6644) г. остается фактически незамеченным на фоне других эпизодов с участием князя, в которых мастерски акцентированы его добродетели. Кроме того, в результате редактирования, по нашему мнению, игуменом Моисеем рассказов под 1135 (6643) и 1136 (6644) гг. оказались утраченными важные для черниговских князей, противников Ярополка, подробности.

Несмотря на то что в некоторых эпизодах образ Вячеслава Владимировича оказался «сниженным» (исполняющим волю племянника, Изяслава Мстиславича), доминирующими его чертами являются христианские ориентиры, готовность уступить братьям, забота о мире. Образ князя сформирован в значительной степени за счет приведенных в тексте прямых речей, раскрывающих мотивировку его поступков. Применимо к Вячеславу Владимировичу можно говорить о первых попытках книжника изобразить характер⁶.

Образ Юрия Долгорукого складывается из полярных характеристик. Упование на Божью помощь в описании одного из эпизодов сражения с Изяславом Мстиславичем (имеющее положительную коннотацию в летописном тексте), отмеченная Ростисла-

⁶ Ср.: «Характер – это то, что обнаруживает склонность: какова она в тех положениях, где неясно, что предпочитать и чего избегать» [Аристотель, 1984б. С. 653].

вом Мстиславичем доброта князя, отказ от планов захвата Владимира Волынского ради спасения людей под 1157 (6665) г., – положительно характеризующие князя, сочетаются с негативными оценками, вложенными в уста его соперника Изяслава Мстиславича, а также объединившегося с ним старшего брата Вячеслава. В некрологе, жанре, традиционно используемом книжниками для восхваления князей⁷, подводящем итог княжескому жизнеописанию, указаны факты, характеризующие князя отрицательно. Между тем в Типографской летописи под 1152 г. сообщается о строительной деятельности князя в Ростово-Суздальской земле: «Георгий князь в Сѹздалѣ бѣ, и отверзлѣмѹ Богъ разумнѣи очѣ на церковное зданіе и многи церкви поставиша по Сѹздальской странѣ, и церковь постави каменѹ на Нерли, святыхъ мѹченик Бориса и Глеба, и святого Спаса в Сѹздалѣ и святого Георгия в Володимѣри каменѹ же, и Переяславль град переведѣ от Клещина, и заложи великѣ град и церковь каменѹ в нем доспе святого Спаса и исполни ю книгами и мощми святыхъ дивно, и Георгиев град заложи, и в нем церковь доспе каменѹ святого мѹченика Георгия» (Тип., 77). В тексте Лаврентьевского, Никоновского сводов (кроме Лаптевского списка) про смерть князя сказано нейтрально.

Обращает на себя внимание известие, сообщающее о вокняжении князя в Киеве, выделяющееся на фоне иных типологически сходных известий за счет указания четырехчленной генеалогии, подчеркивающее его достоинство. Доведенная до князя Владимира, крестившего Русскую землю, генеалогия свидетельствует о вероятном существовании летописца князя, отраженного в виде фрагментов в составе Киевского свода.

Для составителя Киевского свода, игумена Выдубицкого монастыря Моисея, важным было подчеркнуть линию преемственности власти: от отца Владимира Мономаха к внукам старшего сына последнего, Мстислава. Образы князей формировались путем постепенно накапливавшихся описаний княжеских действий, однако акцентировка

их индивидуальных черт определялась, по-видимому, окончательной целенаправленной редакторской правкой, выполненной составителем всего Киевского свода XII в. игуменом Моисеем. Именно от него зависела литературная судьба входящих в его состав источников.

Список литературы и источников

Адрианова-Перетц В. П. О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 427–447.

Александрия // Библиотека литературы Древней Руси: Сб. древнерусских текстов: В 20 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI в.

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984а. Т. 4.

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984б. Т. 4.

Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 21–80.

Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни...: Сб. ст. памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 181–198.

Гиппиус А. А. Как обедал Святослав? (текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 47–54.

Девгениево Деяние // Библиотека литературы Древней Руси: Сб. древнерусских текстов: В 20 т. СПб., 2004. Т. 3: XI–XII вв.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «История Сибирская»: повествовательное пространство и повествовательная достоверность // Искусство грамматики. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 67–84.

Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 331–348.

Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 67–97.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.

Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 3–164.

⁷ В составе Киевского свода важную роль в княжеских характеристиках играют, например, некрологи смоленских князей Ростиславичей, являющиеся посмертными панегириками князьям.

Лихачев Д. С. К специфике художественного слова // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1979. Т. 38, № 6. С. 509–512.

Посева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV века. М., 2009.

Мельничук В. А. Известия XII века с участием Всеволода Ольговича времени его черниговского княжения в составе промосковских летописных сводов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 155–163.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Робинсон А. Н. Литература периода феодальной раздробленности // История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2.

Рукавишников А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 99–111.

Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29–40.

Щапов Я. Н. Достоинство и титул царя на Руси до XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества. М., 1999.

Список сокращений

Ипат. – Ипатьевская летопись (по Ипатьевскому списку): ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

Лавр. – Лаврентьевская летопись (по Лаврентьевскому списку): ПСРЛ. СПб., 1872. Т. 1.

Никон. – летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью (по рукописи Академической XIV): ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9.

НІ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (по Синодальному и Комиссионному спискам): ПСРЛ. М.; Л., 1950. Т. 3.

Тип. – Типографская летопись (по Синодальному списку): ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.

Материал поступил в редколлегию 20.08.2013

V. A. Melnichuk

LITERARY MEANS PROVIDING CREATION OF VLADIMIR MONOMACH SONS IMAGES

This article discusses the Literary means providing creation of Vladimir Monomach sons images, stylistic devices of individual traits delineation in princely images are specified.

Keywords: Hegumen Moses Code, Vladimir Monomach sons images, literary fate of accounts.